

Н. А. Плавинский

Миниатюры Радзивилловской летописи как источник по истории древнерусского оружия: к постановке вопроса

M. A. Plavinski. Radziwill Chronicle miniatures as a source of ancient weapons history: an introduction

Abstract. The article is devoted to the miniatures of Radziwill Chronicle as a source of ancient weapons history. It is evident that in their final form miniatures do not reflect the real weapons and armor of ancient times. All the detailed samples of the weapons display the military technic realities of the time of the manuscript itself – the end of the 15th century or an earlier period. One can assume that these realities were typical for the area of active contacts between the Western and Eastern European military-technical traditions. This area was, first of all, the Grand Duchy of Lithuania, especially its «Russian» lands, and to some extent the territory of Novgorod and Pskov. It is interesting, that the artists left untouched («unedited») standard armament of most soldiers, going back to the old Russian models, and through them to the Byzantine prototypes. And that could mean that such images were not strongly discordant with the military-technical realities of the era of the creation of the manuscript.

Ключевые слова: Радзивилловская летопись, Древняя Русь, миниатюры, оружие, защитное вооружение.

Определение «к постановке вопроса» в заголовке сообщения о миниатюрах Радзивилловской летописи (далее – РЛ) может сразу вызвать у читателей недоумение и вопросы. Действительно, историография изучения миниатюр этого памятника насчитывает достаточно много работ, часть которых непосредственно касается вооружения. Однако исходя из современного уровня наших знаний по истории древнерусского оружия и разнообразия мнений, высказанных в литературе о времени создания миниатюр, постановка вопроса о новом их источниковедческом рассмотрении представляется вполне корректной.

Сегодня трудно, даже практически невозможно, представить себе какую-либо хорошо иллюстрированную книгу по древнерусской истории или археологии, в которой не найдется хотя бы одной миниатюры из РЛ. Эти миниатюры прочно заняли свое место в качестве основного иконографического источника по истории древнерусской материальной культуры, одежды, вооружения и прочих аспектов повседневного быта.

Большинство исследователей сходится в том, что РЛ была создана в самом конце XV в., вероятнее всего, в Смоленске. Как возможные центры создания называются также Новгород, Северо-Восточная Русь, Новогрудок и т. д.

Вместе с тем, сами миниатюры остаются исследованными относительно слабо. Существует несколько основных взглядов на вопрос о том, насколько миниатюры РЛ могут быть использованы в качестве источников по истории материальной культуры древнерусского времени.

Дореволюционные исследователи, в общем, достаточно осторожно относились к возможности использования данного памятника для реконструкции древнерусского быта¹. Так, Н. П. Кондаков предполагал, что прототипом для создания миниатюр послужили византийские или южнославянские образцы, сильно упрощенные, примитивизированные и утрированные древнерусским мастером. Вместе с тем, он выделял достаточно многочисленные реалии XIII–XIV вв., характерные для быта суздальцев, которых он и считал создателями миниатюр (Кондаков, 1902. С. 124, 125). С другой стороны, он отмечал на миниатюрах значительное число западноевропейских элементов, часть которых рассматривал как реалии суздальского быта, а часть — как более поздние дорисовки. Эти дорисовки он датировал очень широко — XVI–XVIII вв. (Там же. С. 125, 126).

Значительное внимание анализу миниатюр уделил В. И. Сизов. Он считал, что над миниатюрами трудилось пять рисовальщиков. Причем один из них работал в западноевропейской манере и привнес в изображения значительное число чуждых западных новаций. Исследователь отказывал в реализме большинству изображений предметов вооружения, за исключением тех, которые считал западноевропейскими. Его итоговые выводы сводятся к тому, что миниатюры изобилуют «сильным вторжением иноземных влияний в одеждах изображенных сцен», а иллюстратор, редактировавший их, был немцем (Сизов, 1905. С. 29, 46–48).

С другой стороны, Д. В. Айналов склонен был выделять в начальной части РЛ ряд архаичных миниатюр, восходящих к древнерусским оригиналам, сработанным по византийским образцам и не содержащим «следов немецкой живописи и гравюры», характерных для последующих миниатюр. «Явственная модернизация рисунков» начинается, по мнению Д. В. Айналова, с листа 96 (Айналов, 1908. С. 307–323).

А. А. Шахматов считал, что РЛ была воспроизведена с уже иллюстрированного оригинала, вероятно, в Смоленске. Он также признавал наличие на миниатюрах многочисленных западноевропейских (немецких) реалий (Шахматов, 1913).

Взвешенностью и аргументированностью отличался подход к анализу миниатюр, предложенный М. И. Артамоновым. Он считал, что над миниатюрами трудились два художника, один из которых работал в архаическом стиле и был помощником второго мастера. В свою очередь, второй мастер был хорошо знаком с западноевропейскими традициями, что объясняется самим

¹ В представленном ниже кратком обзоре литературы я не ставил перед собой цель проанализировать всю имеющуюся обширнейшую историографию изучения миниатюр РЛ. Рассмотрены только наиболее важные работы по данному вопросу, в особенности те, в которых специально уделялось внимание изображениям оружия.

местом создания памятника — в Полоцке или, что более вероятно, в Смоленске. Причем оба художника, по мнению М. И. Артамонова, работали одновременно (Артамонов, 1931. С. 3–16). В результате анализа миниатюр исследователь пришел к выводу о том, что они отражают процесс взаимопроникновения византийско-древнерусских и западноевропейских художественных традиций (Там же. С. 26, 27).

Однако наиболее известной работой, посвященной анализу миниатюр РЛ, стала монография А. В. Арциховского (1944) (первый вариант части монографии, посвященной РЛ, был опубликован ранее: *Арциховский*, 1932). Исследователь достаточно детально рассмотрел миниатюры РЛ и пришел к выводу о том, что они могут уверенно использоваться в качестве источника по истории материальной культуры древнерусского времени. Примечательно, что в своей книге А. В. Арциховский уделил особое внимание именно анализу предметов вооружения, чему был посвящен специальный раздел (*Арциховский*, 1944. С. 18–22). Общий вывод исследователя можно свести к тому, что миниатюры являются полноценным источником по истории материальной культуры древнерусского времени. В связи с этим следует отметить, что А. В. Арциховский во многих случаях пытался очень буквально трактовать и интерпретировать те или иные изображения, ища их конкретные прототипы, что, в общем, представляется достаточно сомнительным при общем схематизме миниатюр. Причем общей тенденцией в интерпретации предметов вооружения у А. В. Арциховского был поиск максимально архаичных прототипов конкретных образцов изображенного оружия.

О. И. Подобедова, которая провела тщательный анализ миниатюр РЛ, также предполагала, что они сохранили традиции древнейшего лицевого летописания. Она считала, что галицко-волынские и, в первую очередь, владими́ро-суздальские прототипы были переработаны двумя тверскими или московскими мастерами, работавшими в одной мастерской между 1485 и 1495 гг. В свою очередь, их работа была отредактирована третьим мастером, трудившимся в Москве в первой четверти XVI в. Вместе с тем, О. И. Подобедова также признавала наличие многочисленных германизмов (в том числе и в вооружении) после листа 96 (*Подобедова*, 1961. С. 15–19; 1965. С. 49–101).

Мнение о том, что миниатюры РЛ являются полноценным источником по истории материальной культуры древнерусского времени, приобрело еще больший вес после работ Б. А. Рыбакова. Он доказывал раннее древнерусское происхождение миниатюр, наличие в них значительного числа мелких аутентичных подробностей и вообще видел в них изображения, чуть ли не близкие по точности к фотографиям (*Рыбаков*, 1946; 1984). Но даже он вынужден был признать, что ряд изображений отражают реалии, относящиеся не ранее чем к XV в. (*Рыбаков*, 1984. С. 233).

В результате, во множестве последующих публикаций, вплоть до нашего времени, мнение о том, что миниатюры РЛ адекватно воспроизводят военно-технические реалии X–XIII вв. повторялось и продолжает повторяться, в том числе и некоторыми специалистами-оружиеведами (см., напр.: *Измайлов*, 2008. С. 29).

Однако аргументация мнения о точном воспроизведении древнерусской материальной культуры на миниатюрах РЛ представляется недостаточной. Учитывая время создания летописи — конец XV в., схематизм изображений, а также наличие на миниатюрах многочисленных очевидных военно-технических реалий, синхронных времени ее написания, вопрос о возможности ее использования как источника по истории древнерусского вооружения остается открытым.

Изображения основных видов оружия — мечей, сабель, копий, луков — в большинстве своем крайне схематичны. Защитное вооружение также достаточно однообразно, за исключением ряда очевидных позднесредневековых реалий.

Мечи на миниатюрах изображены стандартно — с прямыми перекрестьями и дисковидными навершиями. Различается только их длина, однако определенной закономерности в изображении мечей разной длины не прослеживается. Мечи могут использоваться и как рубящее, и как колющее оружие. Все эти рукояти могут быть с большей или меньшей степенью уверенности отнесены к типу VI, по А. Н. Кирпичникову (1966а. С. 55) или к навершиям от типа G до I, по типологии Р. Э. Окшотта, которые могут датироваться в крайне широких рамках — XI–XV вв. и даже позднее (*Oakeshott*, 1964. P. 95–96).

Практически единственное индивидуальное изображение меча имеется на листе 206 (рис. 1, 1). Вероятно, на данной миниатюре показан меч с навершием типа T или V (с вариантами: рис. 1, 2), по типологии Р. Э. Окшотта (*Oakeshott*, 1964. P. 107–109), изогнутым перекрестьем и длинным череном рукояти. По общим пропорциям меч может быть предположительно отнесен к одному из позднесредневековых типов (рис. 1, 3), по Р. Э. Окшотту (*Oakeshott*, 1991. P. VIII–IX).

Сабли встречаются на миниатюрах реже — на 220 мечей приходится 144 сабли, по подсчетам А. В. Арциховского (1944. С. 8). Следует отметить ряд особенностей в изображении сабель: многие из них имеют рукояти, аналогичные мечевым, — с прямым перекрестьем и дисковидным навершием, в то время как рукояти других изображены вполне реалистично. Причем оба варианта изображения сабельных рукоятей могут присутствовать на одной и той же миниатюре (рис. 2, 1). В целом ряде случаев определить, что изображено — меч или сабля, — крайне затруднительно. Очевидно, что миниатюристов либо не интересовало точное отображение клинкового оружия, либо они решали, что именно будет нарисовано, непосредственно в процессе работы. Не исключено, что на ряде миниатюр изображены корды или тесаки (рис. 2, 2), которые могли появиться в восточноевропейском комплексе вооружения не ранее XIV в. (*Бохан*, 2012. С. 35–36). Однако, учитывая отмеченный общий схематизм изображений, утверждать это нельзя.

Интересные результаты дает рассмотрение изображенных на миниатюрах топоров. Собственно, топоры не могут в полной мере интерпретироваться как оружие, т. к. на миниатюрах РЛ они в большинстве используются в качестве орудий труда — в ходе строительных работ или, наоборот, штурма укреплений. Топоры изображены на 21 миниатюре (всего 34 экз.). На всех миниатюрах,

1

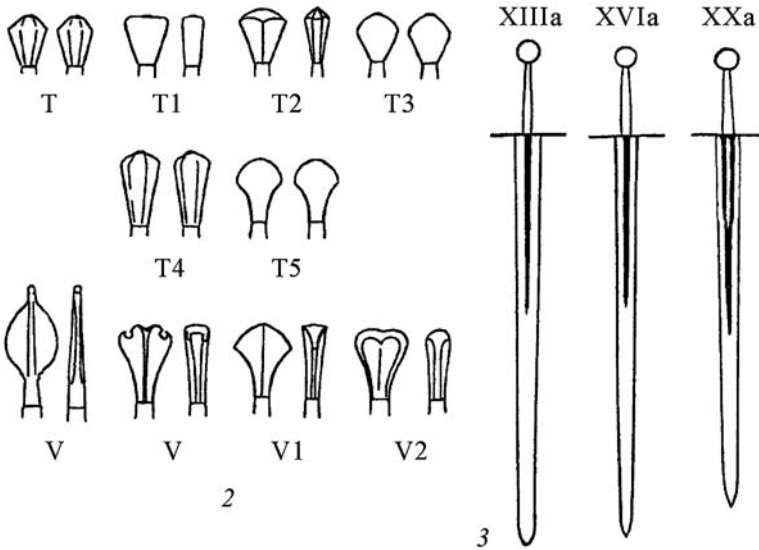

Рис. 1. Миниатюры РЛ и сравнительные материалы
 1 – индивидуальное изображение меча (Л. 206 об.); 2 – навершия мечей типов Т и V с вариантами по Р.Э. Окшотту; 3 – типы позднесредневековых мечей по Р.Э. Окшотту, близкие изображенному на миниатюре

1

2

Рис. 2. Миниатюры РЛ

1 — изображения сабель (Л. 30 об.); 2 — изображение корда (?) (Л. 169 об.)

за исключением двух, — это очень схематично изображенные орудия с относительно симметричным, плавно расширяющимся лезвием разной ширины. Присутствуют как узколезвийные, так и широколезвийные топоры. Причем ширина лезвия, очевидно, не имела для иллюстраторов значения и могла изменяться в ходе работы (Л. 67 об., низ; 116, низ). В любом случае, они не находят реальных прототипов в материальной культуре XI–XIII вв., когда абсолютно преобладали бородовидные типы (Киртичников, 1966б. С. 29–46). Крайне интересно, что на 3 миниатюрах топорами копают землю (Л. 91, верх; 121 об.; 236 об., низ). Вероятно, что в данном случае иллюстраторы имели в виду мотыги, но либо не смогли их правильно отразить, либо не посчитали это нужным, учитывая внешнее сходство и принцип действия обоих орудий.

Как оружие топор применяется только в двух сценах (Л. 22, верх; 103). Однако и здесь это скорее оружие экстренных условий (поход Игоря на Византию и подавление Яном Вышатичем восстания белозерских смердов во главе с волхвами).

От основной массы топоров отличаются экземпляры на обороте листа 99 (рис. 3, 1) иверху листа 106. Один из топоров (Л. 99 об.) может быть отнесен к типу VIII или VIIIa, по М. Глосэку (рис. 3, 2), и, соответственно, датирован в рамках второй половины XIII — начала XVI в. (*Glosek*, 1996. S. 38–40). Второй топор, с хорошо прорисованной прорезью на лезвии, напоминает тип X или Xa, по М. Глосэку (рис. 3, 3), только без втулки. Датировка топоров данных типов определяется XIV — началом XVI в. (*Ibid.* S. 43–49).

Топор на миниатюреверху листа 106 (рис. 4, 1) можно отнести к типу XIII, по М. Глосэку, который датируется XIV–XV вв. (*Ibid.* S. 53–54). На его

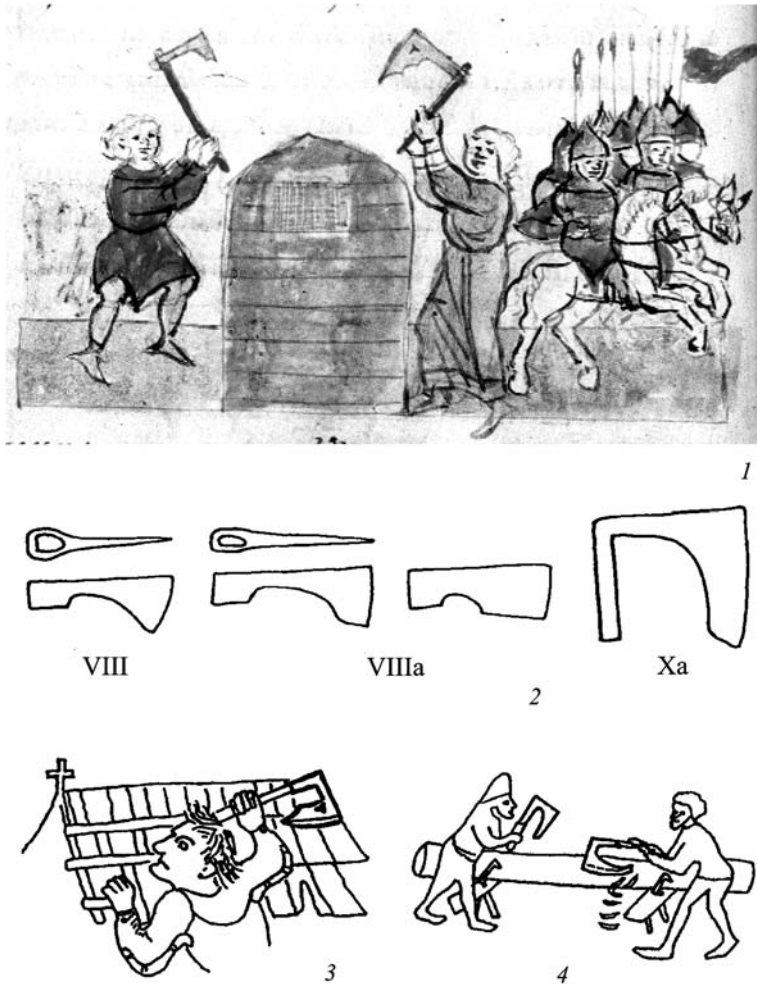

Рис. 3. Миниатюры РЛ и сравнительные материалы

1 — изображения топоров (Л. 99 об.); 2 — типы позднесредневековых топоров по М. Глосэку; 3 — дьявол разрушает обитель, рисунок из Краковской легенды Яна Ялмужника, ок. 1500 г.; 4 — постройка здания, Чехия, конец XIV в. (3, 4 — по М. Глосэку)

лезвии также четко прорисовано отверстие, что является характерным признаком позднесредневековых топоров. Хотя не исключено, что в данном случае может быть отобразена алебарда с недорисованным древком. Изображение одной алебарды также имеется на обороте листа 96 (рис. 4, 2).

Совершенно очевидно, что иллюстраторы РЛ не воспринимали топор как типичное массовое оружие и не изображали его в батальных сценах. Этот факт сам по себе свидетельствует, что миниатюристы мыслили пост-древнерусскими военно-техническими категориями, когда массовое использование топоров в бою ушло в прошлое.

Что касается изображений доспехов, то они в массе своей стандартны и не могут быть сколь-нибудь определено интерпретированы. Очевидно, что в общей схеме изображения защитного вооружения имелись некие византийские прототипы, на что неоднократно указывали исследователи (Айналов, 1908.

1

2

Рис. 4. Миниатюры РЛ

1 — изображение топора или алебарды (Л. 106);
2 — изображение воина в пластинном доспехе с алебардой (Л. 96 об.)

С. 307–323; Кондаков, 1902. С. 115, 116; Сизов, 1905. С. 31–34). Но конкретные особенности таких изображений практически полностью утрачены.

В тех же случаях, когда мы имеем дело с какими-либо достаточно ясно читаемыми военно-техническими реалиями, все они относятся к позднесредневековому времени. Наиболее яркие из них были выделены еще В. И. Сизовым (1905. С. 36, 37) и достаточно подробно перечислены в оружиеведческих работах Ю. Н. Бохана (2012). К числу таких реалий относятся изображения полного пластинного доспеха, шлемов типов салат и шапельде-фер (рис. 5), пушек (рис. 6, 1–3) и, вероятно, ручного огнестрельного оружия (рис. 6, 4).

Вместе с тем, имеется ряд изображенных на миниатюрах элементов защитного вооружения, характерных, в первую очередь, для военной техники юго-восточной части циркумбалтийского региона XIV–XV вв. К их числу следует отнести щиты-павезы небольшого размера (Плавинский, 2004), которые используются как пехотинцами, так и кавалеристами (рис. 6, 4; 7, 1, 2). К данной группе предметов защитного вооружения также принадлежат шлемы цилиндрической формы (рис. 8, 3–4) — шатровые бацинеты (Nowakowski, 1994. P. 44. Fig. 7).

Таким образом, на основании рассмотрения миниатюр, исходя из современного уровня наших знаний по истории восточноевропейского средневекового вооружения, можно высказать ряд замечаний, пока, естественно, самых предварительных:

1) Сколько бы художников ни участвовало в создании миниатюр РЛ, все они отображали реалии одного и того же периода, а именно — времени создания самой рукописи, т. е. конца XV в. или несколько более раннего времени.

2) Многие исследователи предполагали, что миниатюры в списке конца XV в. воспроизводят более ранние изображения, созданные под сильным византийским влиянием или по византийским (или) южнославянским образцам, предположительно XIII в. Но даже если первоначальная редакция миниатюр или их части относится к древнерусскому времени, очевидно, что художники конца XV в. не видели смысла в серьезной редакции внешнего облика доспехов и вооружения, внося в них только явные новации.

3) Очевидно, что в окончательном виде миниатюры не отображают реального вооружения и доспехов древнерусского времени. Все сколько-нибудь детально прорисованные образцы вооружения на миниатюрах передают реалии XV в., вероятно, его второй половины, характерные для зоны активных контактов между западноевропейской и восточноевропейской военно-техническими традициями. Такой зоной было, в первую очередь, Великое княжество Литовское, особенно его «русские» земли, и отчасти территория Новгородского и Псковского государств.

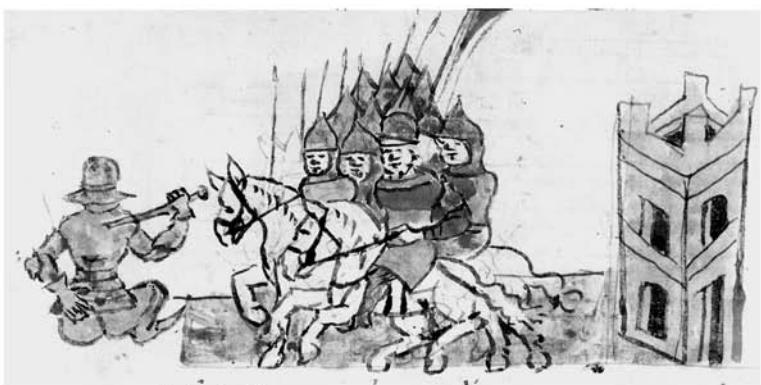
4) Это, в свою очередь, позволяет сделать достаточно перспективное предположение о самом характере вооружения данного региона. Интересно, что художники оставили нетронутым стандартное вооружение большинства воинов — конические или сфероконические шлемы, круглые и миндалевидные щиты, стилизованные кольчуги или пластинчатые доспехи. А это может

1

2

3

Рис. 5. Миниатюры РЛ. Изображения воинов в полных пластинных доспехах, в шлемах типов салад и шапель-де-фер
1 — Л. 9; 2 — Л. 132, верх; 3 — Л. 166 об., верх

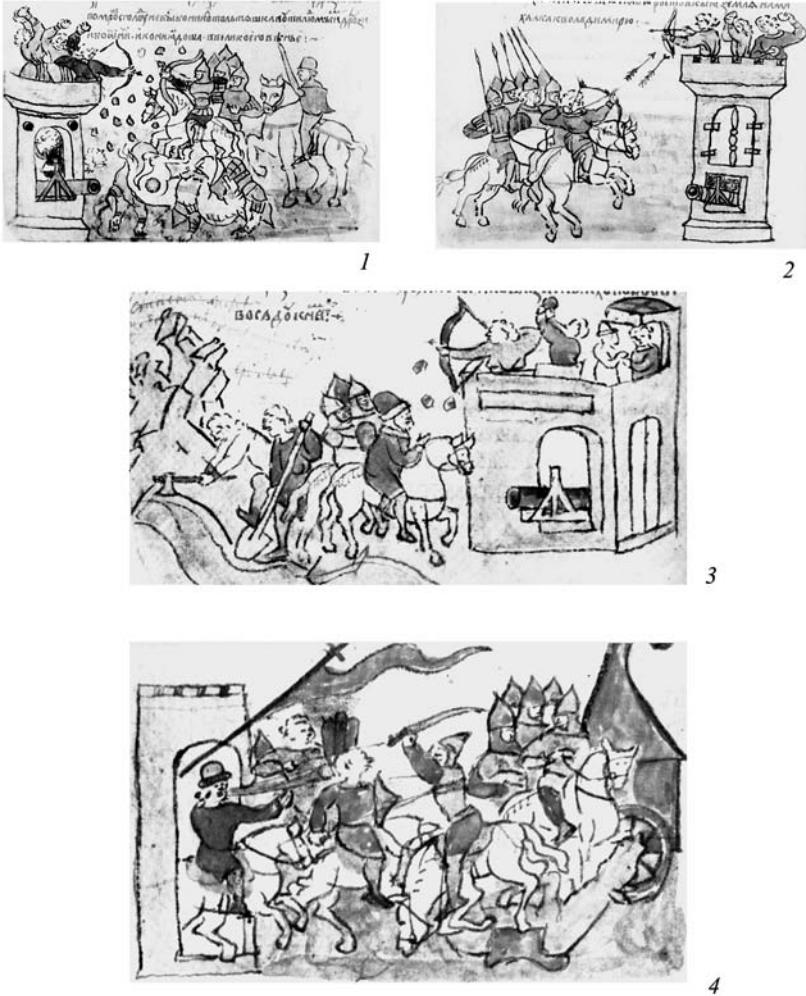

Рис. 6. Миниатюры РЛ. Изображения пушек (1–3) и ручного огнестрельного оружия (?) (4)

1 – Л. 209 об.; 2 – Л. 217 об., низ; 3 – Л. 236 об., низ, 4 – Л. 234 об., верх

означать, что они не сильно диссонировали с военно-техническими реалиям эпохи создания рукописи, и свидетельствует об использовании достаточно легкого комплекса вооружения с отдельными новациями, центрально- и западноевропейскими, а также татарскими заимствованиями.

Примечательно также, что во второй половине летописи в миниатюрах проявляется все больше реалий, синхронных времени ее создания, что уже неоднократно отмечали многие исследователи (Н.П. Кондаков, В.И. Сизов, Д.В. Айналов, А.А. Шахматов, О.И. Подобедова). Можно предложить два достаточно вероятных объяснения этого явления. Либо художники постепенно «раскрепощались» в процессе работы и все дальше отступали

1

2

Рис. 7. Миниатюры РЛ. Изображения всадников со щитами-павезами небольшого размера
1 – Л. 232; 2 – Л. 235

от предполагаемых византийских (византинизирующих) исходных образцов, либо же могла произойти смена заказчика или политической обстановки, в которой создавалась летопись.

Литература

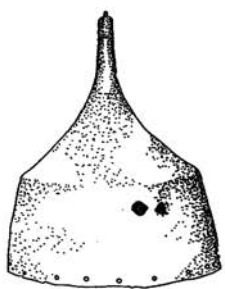
- Айналов Д.В., 1908. О некоторых миниатюрах Радзивилловской летописи // Изв. Отд. рус. языка и словесности Императорской академии наук. СПб. Т. XIII. Кн. 2.
Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бутягин А.М., Коровкин Д.С., 2005. Всадники войны: Кавалерия Европы. М.; СПб.

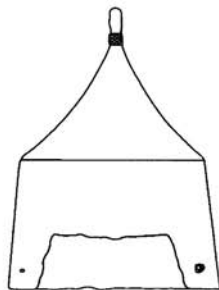
1

2

3

4

Рис. 8. Миниатюры РЛ и сравнительные материалы. Изображения шатровых бацинетов

1 — Л. 9, верх; 2 — Л. 156, низ; 3 — шатровый бацинет 2-й пол. XIV в. из Мельно в Польше (по: Nowakowski, 1994. Fig. 7); 4 — шатровый бацинет 2-й пол. XIV — нач. XV в. из Городца на Волге (по: Алексинский, Жуков и др., 2005. С. 336)

- Артамонов М.И., 1931. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи // Изв. ГАИМК. Л. Т. X. Вып. 1.
- Арциховский А.В., 1932. Миниатюры Кенигсбергской летописи // Изв. ГАИМК. Л. Т. XIV. Вып. 2.
- Арциховский А.В., 1944. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.
- Бохан Ю.М., 2012. Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV–XVI стагоддзях. Мінск.
- Измайлов И.Л., 2008. Защитники «Стены Искандера». Казань.
- Кирпичников А.Н., 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1-36.
- Кирпичников А.Н., 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1-36.
- Кондаков Н.П., 1902. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи // Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб.: Изд. Общества любителей древней письменности. СХVIII. Т. II: Статьи о тексте и миниатюрах рукописи.
- Плавинский Н.А., 2004. Из истории восточноевропейских щитов XII–XIV вв. (о времени возникновения и путях развития повезы) // АИППЗ: Мат. 50 заседания (2003).
- Подобедова О.И., 1961. Миниатюры русских исторических рукописей: Из истории русского лицевого летописания XIII–XVI веков: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Подобедова О.И., 1965. Миниатюры русских исторических рукописей XIII–XVI вв.: К истории русского лицевого летописания. М.
- Рыбаков Б.А., 1946. «Окна в исчезнувший мир» // Докл. и сообщ. истор. ф-та МГУ. М. Вып. 4.
- Рыбаков Б.А., 1984. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII вв. // Б. А. Рыбаков. Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М.
- Сизов В.И., 1905. Миниатюры Кенигсбергской летописи (Археологический этюд) // Изв. Отд. рус. языка и словесности Императорской академии наук. СПб. Т. X. Кн. 1.
- Шахматов А.А., 1913. Заметка о месте составления Радзивилловского (Кенигсбергского списка летописи) // Сборник в честь семидесятилетия профессора Д. Н. Анучина. М.
- Głosek M., 1996. Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich. Warszawa; Łódź.
- Nowakowski A., 1994. Arms and armour in the medieval Teutonic Order's state in Prussia. Łódź.
- Oakeshott R.E., 1964. The Sword in the Age of Chivalry. London.
- Oakeshott R.E., 1991. Records of the Medieval Sword. Woodbridge.